

ГЛАВНЫЙ ЭКЗАМЕН В ЖИЗНИ

Время с годами стирает из памяти имена и события. Но для тех, кто прошел военными дорогами Афганистана, увиденное запомнилось навсегда. Герой этой заметки Григорий Петрович Худяков с первого дня тех далёких событий оказался в гуще происходящего.

Не первый год я беру интервью у воинов-афганцев, и всегда один и тот же вопрос: «Зачем об этом писать, кому теперь это нужно?» Не очень-то любят они делиться прошлыми воспоминаниями: не особенно они приятные. Ведь война - это далеко не пресловутая «романтика». Это - труд, изнурительно тяжелый и опасный, это - кровь, пот и грязь, слёзы, горечь и потери, а ещё тиф, малярия, гепатит, вши и многие другие «бонусы».

Вот и Григорий Петрович Худяков неохотно делится пережитым:

- Больше 40 лет прошло, как я вернулся со службы. Да, память об афганской войне навсегда осталась в моем сердце. Я часто в своих воспоминаниях возвращаюсь туда, где когда-то пережил самый сложный период своей жизни. И не смотря на то, что там вкусил все тяготы и лишения военной службы, благодарен судьбе за это испытание. Не могу выразить, как я чувствовал эту войну, какими были для меня эти два года. Трудными? - Да. Тяжелыми? - Да. Приятными? - Да. Скажете, противоречу сам себе? - Да. Но из этих противоречий и соткана моя память об Афгане...

Григорий никогда не был

первые места.

Как-то его попросили выступить на соревнованиях по вольной борьбе, а это совсем другие правила: в греко-римской, в отличие от вольной, запрещены технические действия ногами и захваты ног руками. Его тренер возмутился, но не в характере Григория отказываться от чего-либо, и он рискнул. Сначала занял третье место, потом - второе, ну а дальше - только призовые.

В армию он уходил кандидатом в мастера спорта и по классической, и по вольной борьбе, а на службе, участвуя в Чемпионате Вооружённых сил СССР, занял второе место, выполнив норматив Мастера спорта по вольной борьбе. Его даже попытались оставить в спортивной роте, но он сбежал в свою дивизию, к ребятам, с которыми был готов делить последний кусок хлеба. К слову, за эту выходку он наказан не был, хотя всё могло бы закончиться и гауптвахтой...

Но всё это было немного позже, а пока ребятам, только что получившим дипломы, вручили повестки. На дворе стоял июль, весенний призыв закончился, и казалось, что впереди беззаботное лето. Но призывников погрузили в вагоны и отправили в Туркмению в город Кушка - это самая южная точка СССР, место, «где

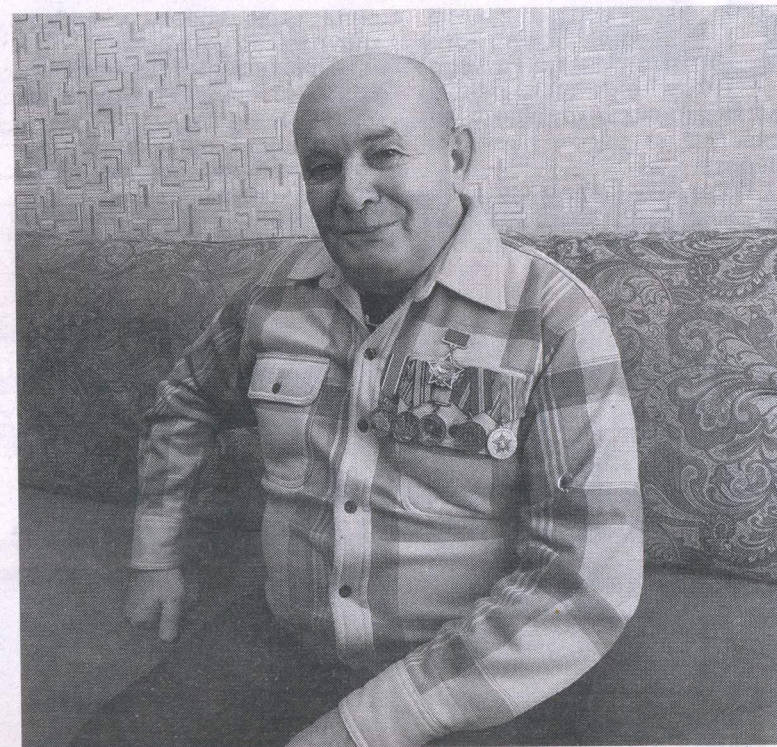
лучшую свою одежду, были повергнуты в шок: им досталась форма явно не по плечу: Григорию, который в тот момент весил едва ли 50 кг и носил 39 размер обуви, достались ботинки 43 размера и форма - 56-го.

Дело в том, что сюда за два дня прибыло 14 000 человек, и обеспечить всех одновременно было невозможно ни одеждой, ни едой.

Дивизия, в которую они попали, была кадрированной: офицеры есть, техника на консервации, а солдат ровно столько, сколько нужно, чтобы технику обслуживать и сторожить. Поэтому на первых порах пришлось нелегко. К тому же выматывала страшная жара, доходившая до отметки +55. Но зато здесь наши ребята впервые увидели как растут виноград, абрикосы, инжир и, конечно же, ринулись всё это пробовать, что привело к печальным последствиям: вспыхнула дизентерия, которая свалила с ног большинство прибывших - Григория эта инфекция также не миновала. Лечить было практически нечем - в арсенале только «Левомецетин».

Понадобилось какое-то время, прежде чем быт здесь более менее наладился.

- Но могу сказать, что в Кушке мы прошли отличную

дом из нас, просто его надо перебороть. Боязнь - нормальное чувство, а уж тем более на войне. Был у меня такой случай в Афганистане, когда я, действительно, очень испугался.

Я служил в отдельном батальоне связи, в разведывательно-диверсионной группе, и на зубок знал азбуку Морзе - в

то неприятие мирной жизни: люди развлекались, ходили в кино и на танцы, и Афганистан их совсем не волновал. Это было так далеко от них. Во всех смыслах далеко. А для меня война была реальной жизнью...

После службы в армии Григорий Петрович ещё 10 лет не имел права распространяться

Григорий никогда не был домашним мальчиком. Вырос в Межовке, с друзьями облазили в детстве все близлежащие сопки, плавали по реке наперегонки, удили рыбу, гоняли в футбол, дрались и, как все мальчишки, играли в войнушку. Но разве мог он предположить, что когда-то в руках окажется настоящее боевое оружие, и стрелять оно будет не понарошку, а вполне себе по-настоящему.

После 8 класса Григорий отправился учиться в Семипалатинский автомобильно-дорожный техникум на автомеханика, где шустрого паренька заметил тренер по классической борьбе и пригласил заниматься в секцию. И уже через небольшой промежуток времени Григорий стал показывать отличные результаты. Выступая на соревнованиях, всегда приносил команде победные очки, занимая только

город Кушка — это самая южная точка СССР, место, «где кончается география» и где в июле температура зашкаливает за +50. Об этом городе еще царский генерал Востросаблин писал: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». Вряд ли мог старорежимный генерал подумать, что к его крылатой фразе кто-то добавит: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Обманули, обманули — и теперь мы все в Кабуле!». С юмором, конечно, но без него на войне никак нельзя.

Военнослужащие в этих местах лучше адаптировались к жаркому и сухому климату страны, в которой им было суждено воевать — до Афганистана отсюда рукой подать.

Григорий и его однокашники попали в 5-ую Гвардейскую мотострелковую дивизию. Молодые ребята, которые надели в дорогу чуть ли не самую

Но могу сказать, что в Кушке мы прошли отличную боевую подготовку, и к моменту отправки были в полной боевой готовности, — отметил Григорий Петрович.

28 декабря 1979 года в 3.00 по местному времени границу Афганистана пересекла 5-я Гвардейская мотострелковая дивизия, которая совершила марш по маршруту: Кушка — Герат — перевал Мир-Али-Адраскан — Шинданд. Протяженность марша составила 280 км. Григорий, как механик-водитель, вёл БТР. Так началась его служба в горячей точке.

Дома на первых порах об этом никто не подозревал, ведь в то время об афганской войне мало кто знал, широко о ней стало известно где-то после 1983 года. Это уже позже, когда одно за другим домой стали приходить письма без конкретного адреса, только с номером полевой почты, старшие братья догадались, где служил их Григорий.

О боевых операциях Григорий Петрович подробности рассказывать не стал, но по отдельным фразам я поняла, что боевые выезды на БТР совершал очень часто. От рядового дослужился до звания старшего сержанта.

- Не страшно вам, 19-летнему мальчишке было оказаться там, где стреляют, где каждый миг есть угроза для жизни? — спрашиваю у Григория Петровича.

- В какой-то момент обстрелы, разрывы снарядов стали обыденностью. Некогда было думать о страхе, воинский долг был превыше всего, — поделился Григорий Петрович. - Сейчас думаю: большую роль играет возраст. В молодости как-то легче все это воспринималось, был даже какой-то интерес к происходящему, если сейчас подумать — ужас...

Но всё же страх есть в каж-

но-диверсионной группе, и на зубок знал азбуку Морзе — в своё время сдал норматив Мастера спорта по азбуке Морзе. И наш комбат отправил меня инструктором к афганцам, которые поддерживали правительственные войска этого государства. В перерывах между боевой подготовкой я стускался в сад, где росли мандарины, инжир, абрикосы, шелковица. Для нас, выросших в совсем других условиях, всё это было в диковину. Я забирался на дерево и с наслаждением всё это поедал. В тот день с собой у меня был только штык-нож. Я как обычно сидел на дереве и вдруг услышал внизу афганскую речь. Трое моджахедов подкрадывались очень тихо, видимо хотели взять меня в плен. Стрелять они боялись, так как находились на чужой территории и могли попросту не унести отсюда ноги. Жизнь пронеслась перед глазами, но я твёрдо знал одно: живым я им не сдамся. И тут я стал кричать так, что меня было слышно, наверное, за много километров: «Пацаны.....!» Моджахедам, наткнувшимся на неожиданный отпор, ничего не оставалось, как по-быстрому ретироваться, — рассказал трагикомичную историю Григорий Петрович.

- А трусость среди наших ребят встречалась?

- В мирной жизни порой бывает сложно разобраться в человеке. Иное дело — война, где каждый виден, как на ладони. Здесь все черты характера проявляются. Всякое доводилось видеть. Были даже такие, которые пытались убежать в американское посольство, чтобы иммигрировать в Америку. Но большинство всё же были настоящими мужиками.

- Когда вернулись в мирную жизнь, долго пришлось адаптироваться?

- Долго, ведь мы там и спать-то ложились с автоматами. Сначала даже было какое-

после службы в армии Григорий Петрович ещё 10 лет не имел права распространяться о своём боевом опыте, и был не выездным. Да о капстранах в советское время и говорить не приходилось, но в страны соцлагеря вполне себе можно было съездить. И как-то он даже подал документы на визу, но получил отказ.

Некоторое время Григорий Петрович работал в автопарке, в артели старателей добывал золото. А когда в нашем районе разрабатывался Николаевский карьер, пошёл работать взрывником — 20 лет он отдал любимому делу.

Сейчас Григорий Петрович находится на заслуженном отдыхе. Занимается внуками — двоих замечательных мальчишек подарила им с супругой дочь. Дома у Григория Петровича всегда был надёжный тыл — его жена Светлана, вместе эта пара уже более 30 лет. Светлана Юрьевна Худякова работает преподавателем в школе искусств — учит детей прекрасному.

Напоследок спрашиваю у Григория Петровича, хотя уже, конечно, ничего нельзя изменить:

- Жалеете, что вам пришлось пройти через этот ад?

- Для меня война в Афганистане — неотъемлемая часть судьбы. Возможно, самая важная. Что бы сейчас ни говорили о той войне, скажу одно: мы с честью и достоинством исполнили свой воинский долг.

После службы в Афгане я стал смотреть на мир совершенно иными глазами. Теперь точно знаю, что такое друг, а что — товарищ. Здесь, в мирной жизни потом у меня были и товарищи, и сослуживцы. Там же остались, включая самых отъявленных баламутов — братья. Афган — мой главный экзамен в жизни.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Григорий - третий в нижнем ряду